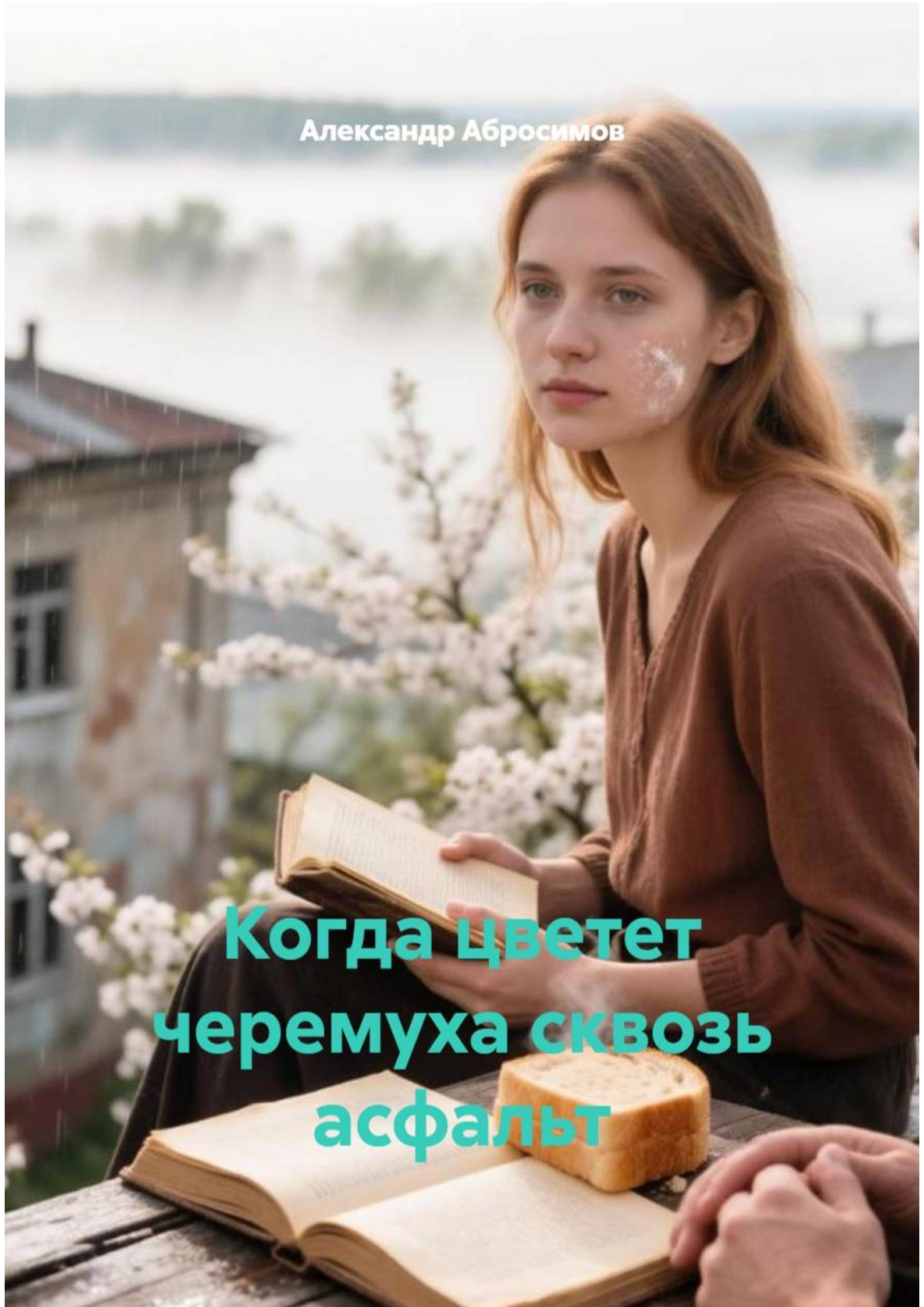

Александр Абросимов

**Когда цветет
черемуха сквозь
асфальт**

Александр Абросимов

**Когда цветет черемуха
сквозь асфальт**

«Автор»

2026

Абросимов А.

Когда цветет черемуха сквозь асфальт / А. Абросимов —
«Автор», 2026

У нее остались только пыльные фолианты и глухая тишина старой библиотеки. У него — лишь жар печи и горькое послевкусие рухнувшей карьеры. Когда проливной весенний дождь загоняет Веру в случайную пекарню, она ищет лишь убежища от непогоды, а находит мужчину, чей взгляд обжигает сильнее раскаленного противня. Это история о том, как два выгоревших дотла человека учатся заново чувствовать вкус к жизни. Можно ли построить дом на обломках былых амбиций? И хватит ли смелости поверить, что настоящее тепло прячется не в блеске мишленовских звезд, а в простой горбушке черного хлеба, разделенной на двоих? Роман о любви, которая растет там, где, казалось бы, выжжена земля. Для тех, кто знает: чтобы согреться, иногда нужно просто позволить другому взять тебя за руку.

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Запах пыли и миндаля	7
Глава 2. Ржавчина на дверной ручке	9
Глава 3. Хлеб для промокших	11
Глава 4. Ожог первой степени	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Абросимов

Когда цветет черемуха сквозь асфальт

Пролог

Бумага пахла пылью, горьким миндалем и временем. Вера провела подушечкой пальца по краю листа — там, где век назад чья-то рука слишком сильно нажала на перо, оставив вмятину, похожую на шрам. Буквы «ять» смотрели на нее слепыми глазами давно умерших людей.

Она работала в тишине крошечной мастерской уже шестой час подряд. За узким окном-бойницей сгустились лиловые майские сумерки, но внутри горела только одна лампа с зеленым стеклянным абажуром. Свет падал на стол ровным, безжалостным кругом, выхватывая из полумрака тончайший скальпель, пинцет и чашку Петри с клеем цвета янтаря.

Вера дышала через раз. Каждый ее вздох мог сдуть вековую пыль или изменить кислотность воздуха так, что чернила осыплются серым пеплом. Она была хранителем мертвых слов. Ее работа заключалась в том, чтобы собирать по крупицам чужие жизни, которые рассыпались в труху от одного неосторожного прикосновения.

Это письмо она спасала третью неделю. Купеческая дочь писала его жениху перед самой свадьбой, которая так и не состоялась — началась какая-то смута, история стерла имена, остался только этот листок, исписанный бисерным почерком. «Я жду тебя, как земля ждет первого грома...» — читала Вера, осторожно прижимая края разрыва костяной лопаточкой.

Ей всегда казалось, что человеческие чувства ведут себя точно так же, как эта старая бумага. Сначала они яркие, влажные, кричащие. Потом их сгибают пополам чужими ожиданиями, прячут в темный сундук обид, заливают слезами. А спустя годы остается лишь хрупкая желтизна, готовая рассыпаться в прах от любого сквозняка.

Сквозняк сегодня был буквальным. Старая рама в дальнем углу предательски скрипнула, пропуская внутрь сырость вечернего города. Пахнуло мокрым асфальтом и цветущей черемухой — тяжелым, пьянящим запахом конца весны. Вера поморщилась. Черемуха напоминала ей о кладбище и холодных плитах. О том, что все заканчивается.

Лопаточка соскользнула. Клей лег неровной каплей прямо на слово «жду», мгновенно впитываясь в рыхлые волокна. Вера замерла, чувствуя, как сердце пропускает удар, а к горлу подкатывает липкий, холодный ужас. Она убила голос женщины, жившей сто лет назад. Одним неловким движением уничтожила смысл целого абзаца.

— Дура, — беззвучно выдохнула она, закрывая глаза.

Письмо больше не было просто документом. Оно стало зеркалом. Вера посмотрела на свои руки — тонкие, бледные, в едва заметных порезах от бумаги. Она тоже была склеена наспех. Внутри — такая же сухая, ломкая пустота. Двадцать восемь лет, а ощущение, будто ей все семьдесят, и лучшие страницы давно вырваны с корнем. Она реставрировала чужую любовь, потому что собственная казалась ей вещью невозможной, как полет. Любовь требовала смелости раскрывать ладони, а Вера привыкла держать их плотно сжатыми, защищая то небольшое тепло, что еще оставалось в груди.

Где-то внизу, на первом этаже старого особняка, гулко хлопнула входная дверь. Звук показался пушечным выстрелом в святилище тишины. По закону подлости это был хозяин здания — вечно недовольный старик, приходивший проверять счета за отопление именно тогда, когда Вера сидела над самым сложным заказом.

Но вместо шарканья стоптанных подошв по паркету она услышала другой звук. Глухой, ритмичный стук. Кто-то рубил дрова во внутреннем дворе? В мае? Или это быют в литавры на площади?

Нет. Это билось ее собственное сердце, оглушенное внезапным приступом паники. Воздух в комнате вдруг стал густым, как клейстер, забивая легкие. Лампа мигнула. Тени от зеленого абажура заплясали на стенах, превращая мастерскую в подводную пещеру.

Вера резко оттолкнулась от стола вместе со стулом. Деревянные ножки проскрежетали по полу, разрушая магию момента. Ей нужно было выйти отсюда. Немедленно. На улицу, под дождь, куда угодно, лишь бы не сидеть здесь, погребенной заживо под слоем чужой пыли и собственного страха перемен.

Она сорвала с крючка старую джинсовку, мазнула рукой по лицу, размазывая усталость, схватила сумку и почти бегом бросилась к лестнице, ведущей вниз, навстречу шумному, непредсказуемому вечеру.

Глава 1. Запах пыли и миндаля

Бумага пахла пылью, горьким миндалем и временем. Вера провела пальцем по краю листа, где когда-то кто-то слишком сильно нажал на перо, оставив вмятину, напоминающую шрам. Буквы «ять» смотрели на нее, как слепые глаза давно ушедших людей. Она работала в тишине своей крошечной мастерской уже шестой час. За узким окном стужались лиловые майские сумерки, а внутри горела лишь одна лампа с зеленым абажуром. Свет ровным кругом освещал стол, выхватывая из полумрака тончайший скальпель, пинцет и чашку Петри с янтарным клеем. Вера дышала с трудом. Каждый её вздох мог поднять вековую пыль или изменить кислотность воздуха так, что чернила рассыплются в серый прах. Она была хранителем мертвых слов, её работа заключалась в том, чтобы собирать по крупицам чужие жизни, рассыпавшиеся от одного неосторожного прикосновения. Это письмо она спасала уже третью неделю.

Купеческая дочь писала его жениху перед свадьбой, которая так и не состоялась — началась смута, стеревшая имена, остался только этот листок, исписанный бисерным почерком. «Я жду тебя, как земля ждет первого грома...», Вера читала, аккуратно прижимая края разрыва костяной лопаточкой. Ей всегда казалось, что человеческие чувства ведут себя так же, как эта старая бумага. Сначала они яркие, влажные, кричащие. Потом их сгибают пополам чужие ожидания, прячут в темный сундук обид, заливают слезами. А спустя годы остается только хрупкая желтизна, готовая рассыпаться в прах от любого сквозняка.

Сквозняк сегодня был буквальным. В дальнем углу старая рама предательски скрипнула, впуская в помещение сырость вечернего города. В воздухе чувствовался запах мокрого асфальта и цветущей черемухи — тяжелый и пьянящий, как и должно быть в конце весны. Вера поморщилась. Черемуха вызывала у нее ассоциации с кладбищем и холодными плитами. О том, что все заканчивается.

Лопаточка соскользнула. Клей упал неровной каплей прямо на слово «жду», мгновенно проникая в рыхлые волокна. Вера застыла, ощущая, как сердце бьется с перебоями, а к горлу подступает липкий, холодный ужас. Она убила голос женщины, жившей сто лет назад. Одним неловким движением она разрушила весь смысл абзаца.

— Дура, — беззвучно выдохнула она, закрывая глаза.

Письмо больше не было просто документом. Оно стало зеркалом. Вера взглянула на свои руки — они были тонкими и бледными, с едва заметными порезами от бумаги. Она тоже была склеена наспех. Внутри — такая же сухая, ломкая пустота. В свои двадцать восемь лет она чувствовала себя на все семьдесят, как будто лучшие моменты жизни уже давно вырваны. Вера пыталась восстановить чужую любовь, потому что собственная казалась ей недостижимой, как полет. Любовь требовала смелости открыться, а она привыкла крепко сжимать ладони, бережно храня то небольшое тепло, что еще оставалось в сердце. Вдруг на первом этаже старого особняка глухо хлопнула входная дверь. Этот звук прозвучал, как выстрел в тишине. Естественно, это был хозяин здания — постоянно недовольный старик, который приходил проверять счета за отопление именно тогда, когда Вера работала над самым сложным заказом.

Вместо привычного шарканья подошв по паркету она уловила совершенно другой звук. Глухой, ритмичный стук. Кто-то рубил дрова во внутреннем дворе? В мае? Или это бьют в литавры на площади?

Нет. Ее собственное сердце колотилось в груди от неожиданного приступа паники. Воздух в комнате стал таким тяжелым, что казалось, он забивает легкие. Лампа мигнула. Тени от зеленого абажура заиграли на стенах, превращая мастерскую в подводную пещеру.

Вера резко оттолкнулась от стола вместе со стулом. Деревянные ножки закричали по полу, нарушая атмосферу волшебства. Ей нужно было выйти отсюда. Немедленно. Она выбежала на улицу под дождь, куда угодно, лишь бы не оставаться здесь, погребенной под слоем

чужой пыли и своим страхом перед переменами. Сорвав с крючка старую джинсовку, она быстро провела рукой по лицу, размазывая усталость, схватила сумку и почти бегом бросилась к лестнице, ведущей вниз, навстречу шумному и непредсказуемому вечеру.

Глава 2. Ржавчина на дверной ручке

Вера выскочила из сырого полумрака особняка прямо в разверзшиеся хляби майского неба. Майский ливень не шел — он вбивал город в брусчатку тяжелыми, свинцовыми гвоздями. Вода мгновенно промочила тонкую джинсовку насквозь, превратив ее в ледяной компресс. Каблук предательски подвернулся на скользком булыжнике с характерным хрустом ломающейся кости и кожи.

Она выругалась сквозь зубы, балансируя на одной ноге посреди пустой улицы. Туфлю можно было выбрасывать: от изящного каблука осталась лишь зазубренная шпилька, торчащая из подошвы, как клык мертвого зверя. До мастерской было три квартала пешком по щиколотку в холодной воде. Вера сделала шаг и едва не упала снова.

Спасение нашлось само собой — низкий каменный свод подвала, откуда на улицу выплескивался густой, плотный свет и запах горячего хлеба. Никакой позолоты, никаких французских названий над входом. Только старая деревянная вывеска, когда-то крашеная синей краской, облупившаяся до самого дерева: «Пекарня».

Дверь оказалась заперта. Не на современный магнитный замок, а на старый английский механизм, который заклинило от влажности. Изнутри доносился грохот металла о металл и сдавленная ругань. Кто-то пытался вскрыть этот ржавый капкан изнутри подсобки.

— Да открывайся же ты, железная дрянь! — голос был низким, вибрирующим от сдерживаемой ярости. В нем не было паники рабочего, боящегося штрафа за опоздание. В нем была глухая, привычная тоска человека, воюющего со всем миром сразу.

Вера постучала костяшками пальцев по толстому стеклу. Звук получился тихим, жалким. Грохот внутри прекратился. Через секунду массивная дубовая дверь приоткрылась ровно на длину тяжелой железной цепи.

На пороге стоял мужчина. Вода лила с козырька крыши прямо ему за шиворот, но он этого не замечал. На нем была простая черная футболка, промокшая на груди так, что виднелась темная дорожка волос, уходящая вниз. Его плечи загораживали почти весь проем — широкие, напряженные, словно он готовился держать удар. Но самым странным были его руки.

Он держал старую длинную отвертку. Пальцы, сжимающие сталь, побелели от напряжения. А между большим и указательным пальцем правой руки рдела свежая рана — глубокая, влажная борозда вспоротой кожи. Кровь смешивалась с водой и густым слоем черной смазки, которой были покрыты внутренности замка. Он порезался о рваный край металла, но даже не дернулся, чтобы зажать рану или достать платок. Боль для него сейчас была просто еще одним фоном, вроде шума дождя.

Их взгляды встретились. У нее — серые, испуганные глаза библиотечной мыши. У него — карие, цвета жженого сахара, но абсолютно холодные, выгоревшие изнутри. Взгляд человека, который слишком долго смотрел в жерло раскаленной печи.

— Закрыто, — бросил он. Это слово должно было прозвучать грубо, стать финальной точкой. Отпугнуть мокрую, хроющую женщину. Но вместо этого оно прозвучало устало. Как вердикт самому себе.

— У меня... каблук, — зачем-то пискнула Вера, выставляя вперед ногу в искалеченной туфле. — И я не смогу идти дальше. Здесь хотя бы сухо.

Степан опустил взгляд. Посмотрел на ее разбитую ногу, потом снова на окровавленную руку. Казалось, он делает сложный математический расчет: стоит ли пускать внутрь чужие проблемы, когда своих хватает выше крыши. Замок висел мертвым грузом, тесто переставало, печь остывала, а бывшая жена сегодня утром прислала очередное уведомление от адвоката.

Он молча снял тяжелую цепь. Дверь открылась с натужным скрипом, обдавая Веру волной такого жара, что она пошатнулась. Внутри пахло корицей, кислым тестом и мужским потом.

— Заходи. К батарее, — скомандовал он, пропуская ее в узкий коридор, заваленный мешками с мукой. — Не стой под дождем, простудишься раньше, чем умрешь от голода.

Вера шагнула внутрь, чувствуя, как тепло плавит лед в костях. Степан захлопнул дверь, отрезая их от потопа. Свет голый лампочки без абажура упал на его лицо, подчеркивая жесткие складки у рта. Он тяжело привалился спиной к косяку, запрокинул голову и закрыл глаза. Капли воды падали с его ресниц на скулы.

Кровь из ладони продолжала медленно капать на затоптанный кафель пола. Красные точки расплывались на сером фоне, похожие на раздавленные ягоды рябины. Вера стояла в трех шагах от него, прижимая к груди свою сумку, и впервые за пять лет чувствовала себя не бумажной куклой, а живым человеком рядом с кем-то, кто болит гораздо сильнее, чем она сама.

Глава 3. Хлеб для промокших

Тишина в подсобке была тяжелой, как мокрое сукно. Вера стояла у порога, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить этот хрупкий покой и не наступить на красные капли, темнеющие на полу. Степан все так же стоял, привалившись к косяку, с закрытыми глазами. Его грудь поднималась тяжело, словно каждый вдох требовал усилий.

— Сядь, — он мотнул головой в сторону перевернутого деревянного ящика из-под бутылок. — У тебя губы синие. Если свалишься в обморок, мне придется тратить остатки тепла печи еще и на твою реанимацию.

Вера послушно опустилась на ящик. Дерево было ледяным даже сквозь мокрую ткань джинсов. Она обхватила себя руками за плечи, пытаясь удержать дрожь, но зубы все равно предательски клацнули.

Степан открыл глаза. Этот взгляд лишил ее воздуха. В нем не было мужского интереса или оценки внешности — только острая, почти болезненная наблюдательность врача. Он смотрел так, будто сканировал рентгеном степень ее замерзания. Затем его лицо дрогнуло, теряя привычную жесткую маску. Что-то похожее на жалость, чувство, которое он давно разучился испытывать к себе, промелькнуло в глубине зрачков.

Он оттолкнулся от стены одним плавным движением хищника. Подошел к старому пузатому холодильнику в углу, дернул ручку. Магнетики в виде ложек звякнули о кафель. Внутри, среди пакетов молока и яиц, лежал плотный ком вощеной бумаги.

— Ешь, — он протянул ей половину огромной ржаной краюхи. Хлеб был завернут небрежно, бумага пропиталась маслом. От него шел густой, кисло-сладкий аромат кориандра и тмина. — Это «Бородинский». Только утром достал. Еще живой.

Вера взяла кусок непослушными пальцами. Хлеб обжигал ладони даже через бумагу — тяжелый, влажный, дышащий жаром печи. Она поднесла его к лицу, просто чтобы согреть нос, и замерла. Запах земли, солода и долгого человеческого труда ударил в голову сильнее любого вина. Это был запах дома, которого у нее никогда не было.

— Я не голодна, — прошептала она, хотя желудок свело спазмом.

— Голодна, — отрезал он, не терпящим возражений тоном. — Ты худая, как чертежная спица. Тебя переломит пополам ветром. Ешь давай, пока я добрый.

Он говорил грубо, по-хозяйски, но руки, которыми он разорвал бумажное полотенце, чтобы перевязать свою ладонь, двигались с неожиданной, бережной точностью. Он стянул края раны грязноватой тканью и затянул узел зубами. Кровь мгновенно проступила сквозь волокна.

Только сейчас Вера заметила, что сам он стоит в одной тонкой хлопковой футболке. Вода перестала течь с его волос, но ткань прилипла к телу, очерчивая каждую мышцу, а кожа покрылась мурашками размером с гречку. Ему было холодно. По-настоящему холодно.

— Возьми, — он снял со спинки стула тяжелую штормовку цвета хаки. — Насквозь мокрая, конечно, но хоть от ветра закроет. И капюшон есть.

Дождевик пах костром, машинным маслом и табаком. Это был запах чужого мужчины, чужой жизни, слишком большой и слишком настоящий для ее стерильного мира. Вера сжала грубую ткань в руках. Тепло Степана начало просачиваться сквозь поры брезента.

— Спасибо, — выдохнула она, наконец откусывая хлеб.

Ржаная мякоть оказалась плотной, влажной, с хрустящей горбушкой. Первый кусок она проглотила, почти не жуя. Второй решила распробовать. Когда она подняла голову, чтобы поблагодарить его снова, их взгляды встретились над краем вощенной бумаги.

Расстояние между ними сократилось до метра. Лампа под потолком мигнула от перепада напряжения. В этом желтом свете его лицо изменилось. Ушла резкость скул, разгладились складки раздражения у рта. Остался только мужчина, который посреди своего личного апокалипсиса отдал свой ужин и единственную сухую вещь совершенно незнакомой женщине.

А в глазах Веры исчез библиотечный страх. Там плескалось густое, горячее удивление. Она смотрела на его рот — жесткий, четко очерченный, сейчас чуть приоткрытый от тяжелого дыхания после возни с замком. Ей вдруг отчаянно захотелось узнать, какой он на вкус. Не хлеб. Он.

Воздух в тесной комнате загустел, стал осязаемым. Пахло мокрой шерстью, горячим тестом и чем-то третьим — первобытным притяжением двух тел, которые долго искали точку опоры и нашли ее друг в друге.

Степан моргнул первым. Резко отвел взгляд, отступая на шаг назад, разрывая эту опасную связь. Он сделал вид, что проверяет печь, толкнув заслонку длинным ухватом.

— Доедай, — буркнул он в металлическую дверцу, голос сел на полтона ниже обычного. — Как закончишь, покажу тебе черный ход. Выведу к набережной, там меньше дует. Идти сможешь?

Вера кивнула, пряча лицо за огромным куском хлеба, хотя внутри у нее все вибрировало от невысказанных слов. Она натягивала на плечи его куртку, впитывая тепло его кожи, запах его беды и понимая одну страшную, прекрасную вещь: сегодня она никуда отсюда не уйдет.

Глава 4. Ожог первой степени

Утро в пекарне началось с катастрофы. Старая конвекционная печь, которую Степан ласково называл «ведьмой», решила отомстить за вчерашнее пренебрежение. Левый нижний ТЭН раскалился добела и отказывался отключаться по таймеру. Температура внутри поднялась так быстро, что тесто на верхних противнях начало трескаться.

Степан работал молча, лицо его блестело от пота. Он орудовал длинной кочергой, пытаясь вытащить обуглившийся противень, пока Вера стояла у него за спиной, перебирая накладные. Она чувствовала себя лишней — мягкой, городской вещью в царстве жара и железа. Ей отчаянно хотелось быть полезной, снять с него хотя бы часть этой тяжести.

— Подай мне рукавицу, — не оборачиваясь, бросил он. — Висит на крюке.

Вера обернулась. Толстая брезентовая рукавица действительно висела рядом с огромной металлической лопатой для пиццы. Но чтобы дотянуться до нее, нужно было протиснуться между Степаном и раскаленным боком печи.

Она сделала шаг. Второй. Воздух вокруг стал густым, как сироп, обжигая легкие при каждом вдохе. Железо дышало сухим жаром. Вера потянулась вперед, прижавшись бедром к горячей стали просто ради баланса, кончиками пальцев ухватила петлю рукавицы.

Касание длилось долю секунды. Металл оказался не просто горячим — он впился в кожу под грудью ледяным огнем. Вера вскрикнула скорее от неожиданности, чем от боли, и дернулась назад, нелепо взмахивая руками. Рукавица выпала. Чтобы поймать ее, она инстинктивно выставила ладони вперед и уперлась ими прямо в металлический лист, лежавший на соседнем столе. Лист только что вышел из жерла печи.

Запахло паленым мясом.

Боль догнала ее через секунду — острая, белая, парализующая. На ладонях мгновенно вздулись пузыри. Мир сузился до этого пульсирующего огня на коже. Она осела на пол, зажимая руки коленями, сдавленно всхлипывая. Слезы сами брызнули из глаз — злые, беспомощные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.